

Глава 1.1

Первый день в школе для старшеклассника - это, как правило, день счастья и воссоединения с друзьями. У меня, однако, не было ни того, ни другого, но я хотел, чтобы это изменилось. Моя школьная жизнь была омрачена небытием. Я был парнем, которого все знали, но ни с кем не дружил. Меня не ругала, и я не был социальным прокаженным. Я был не из тех, кто носит лохмотья, на самом деле совсем наоборот, так как я носил расстегнутые рубашки на пуговицах и джинсы. Я был мастером на все руки, так как у меня были оценки выше среднего - средний балл 4,7 с уверенностью чуть выше среднего. Я мог поговорить с кем угодно, но редко инициировал разговор. Если я случайно оказывался рядом с кем-то, кто говорил о вечеринке, хозяин говорил мне, что я могу присутствовать, как запоздалая мысль. Я мог принять или отказаться, и никому не было до этого дела. Я мог бы поговорить с низшим сословием властной структуры нашей школы, и меня не сочли бы предателем. Чаще всего я был мухой на стене. Никто не замечал и не обращал внимания на мое присутствие.

Сегодня будет первый день моей оставшейся жизни в Хиллдейл Хай. Я был полон решимости пригласить Шелби Престон на свидание со мной. Шелби - красивая девушка, на которую смотрят многие, но ни у кого не получается захватить ее сердце, и в которую я был влюблен с 8-го класса. Я нашел ее разговаривающей с одной из своих подружек-блондинок из группы чирлидерш на скамейках перед школой. Затем я сделал глубокий вдох и собрался с духом. Я не хотел быть неуклюжим идиотом, когда делал это.

- Доброе утро, Шелби, - я старался говорить как можно более оптимистично.

- Привет, Уилл, - сказала она пренебрежительно, бросив на меня быстрый взгляд, а затем быстро вернулась к своему разговору с капитаном группы чирлидерш Линдси Хадсон.

- Слушай, я хотел спросить, не было бы тебе интересно сходить куда-нибудь в эти выходные, - я излучал столько уверенности, сколько мог собрать.

- Подожди. Что? - Шелби и Линдси уставились на меня.

- Я хотел спросить, не хочешь ли ты сходить куда-нибудь в эти выходные? - повторил я с гораздо меньшим энтузиазмом.

- Ты серьезно? - Шелби вопросительно посмотрела на меня.

Затем Линдси что-то прошептала Шелби, и они обе захихикали. Это быстро переросло в душераздирающую истерию.

Удрученный, я пошел в свою классную комнату. Что ж, мой выпускной год начинается с отличного начала. На моем первом уроке испанского языка мистер Мартинес неправильно произнес мою фамилию. Четыре года с ним, а он все еще называет меня Уиллом Гамильтоном, а не Харрисоном. Просто еще один пример моей невидимости в этой школе, не только для одноклассников, но и для преподавателей. Когда я шел на свой второй урок, меня нашли Стю Джонс, мускулистый полузащитник "Олл Стейт", и Эдвин Мэтени, наш квотербек "Олл Сити".

- Уилл! - заговорил Стю.

Я повернулся, получил сильный удар по колокольчикам и с глухим стуком упал на колени.

- Это за то, что пригласил мою бывшую девушку на свидание, - произнес Стю, когда они с Эдвином, смеясь, покинули сцену.

Я хватал ртом воздух. Теперь я знал, почему никто не встречался с Шелби с тех пор, как они расстались.

Во время 3-го урока я обнаружил, что сижу напротив женщины лет сорока с длинными каштановыми волосами, собранными в хвостик. Я бы не назвал ее красивой, но она все равно была чрезвычайно привлекательной.

- Уилл, - начала директор Ларсон, - я вызвала тебя в свой кабинет, чтобы сообщить, что твой факультатив на шестом уроке, работа в кабинете консультанта, должен быть изменен.

- Почему? Что случилось с мистером Симмонсом? - спросил я с любопытством, поскольку последние два года работал в его офисе.

- Все, что я могу сказать, это то, что он больше не работает в школьном округе, а советник Эванс и советник Филлипс берут на себя все его обязанности, но у них уже есть помощники, - директор Ларсон взяла лист бумаги со своего стола. - У меня здесь есть список классов, из которых ты можешь выбрать, чтобы заменить его. О, кстати, математика доступна.

Директор хотела, чтобы я перешел со свободного часа на математику с отличием.

- Нет, спасибо.

- Давай посмотрим, как насчет химии или литературного сочинения и анализа?

Я закатил глаза.

- Ну, вот, - директор Ларсон протянула мне бумагу. - Выбери один.

Я просмотрел список. Домоводство - нет. Геометрия, Наука о Земле, Правительство и политика США. Нет, нет.

- Как насчет школьной газеты? - директор Ларсон прервала мой мыслительный процесс. - Это раздел журналистики, но на самом деле это школьная газета.

Наконец, факультатив, для которого не требуется фартук.

- Ладно, - сказал я почти побежденным тоном.

Обед был исключительным, так как в кафетерии закончилась пицца как раз в тот момент, когда я встал в очередь. Не то чтобы в этом было что-то особенное, но это было то, на что я рассчитывал. Четвертый урок был отстойным, так как все вернулось к предыдущим годам, и все меня игнорировали. На пятом уроке меня ударили по затылку комком слюны. Судя по реакции людей, которые это сделали, предполагаемой целью был социальный изгой позади меня.

Я был совершенно подавлен, когда добрался до своего нового класса журналистики.

- Добрый день, ты, должно быть, Уилл Харрисон? - женщина, стоявшая передо мной, была совершенно восхитительна. - Я мисс Дайер, глава газеты.

Она протянула мне руку, и я пожал ее.

- Добро пожаловать на борт.

В этом классе было всего шесть других учеников: Джош Хартли, Трини Макки, Эмма Брант, Барри Уитли, Эми Сондерс и Фил Гейнс. Все они были подчиненными в нашей цивилизации, известной как старшая школа, но меня это никогда не беспокоило. После того, как мы получили наши задания, я узнал, что должен освещать все, что касается спорта. Нас всех попросили придумать возможные сценарии для первого выпуска. Мисс Дайер действительно предоставила нас самим себе... По крайней мере, виды в этом классе хорошие, так как мисс Дайер, которую, как я узнал, звали Хилари, была прекрасна. На вид ей - лет двадцать с небольшим, у нее - длинные вьющиеся светлые волосы, пышная прическа на макушке, и она носила золотое ожерелье с прикрепленным крестиком, которое гипнотически свисало с ее блузки.

- Эм, привет.

Тень нависла над бумагой, на которой я писал. Голос был робким и дрожал. Не глядя, я знал, что это Эмма Брант. Эмма - 18-летняя старшеклассница, которая на самом деле выглядит как подросток. Это была одна из главных причин, по которой ее дразнили. Она была невысокого роста, с рыжими волосами и в розовых очках, и ей не помогало то, что она всегда носила платья, из-за которых казалось, что она каждый день идет в церковь. Сегодня, к примеру, на ней был светло-голубое платье. Она была воплощением скромности. Но она также была очень умной, одной из немногих кандидатов на роль выпускного вечера в наших классах и настоящим гением, когда дело касалось компьютеров.

- Эмма, не будь такой застенчивой со мной. Если ты собираешься говорить со мной, говори прямо. Говори, что хочешь, делай, что хочешь. Мне это сегодня не нужно, - честно сказал я. Снисходительно, но честно.

Я был не в настроении нянчиться с ней, как обычно. Я знаю, что то, что я сказал, было грубо, и я смирился с тем фактом, что завтра мне придется извиниться перед ней. Я знаю, что я был одним из немногих людей, которым она сказала какие-то слова, и это потому, что я вмешивался в более чем несколько случаев издевательств, в которых участвовали она и элита. Все, что я на самом деле делал, это подходил к ее мучителям, притворяясь, что не понимаю, что происходит, и приглашал их в Пиццерию или спрашивал о последней вечеринке, и это отвлекало их достаточно, чтобы она могла уйти.

Наконец прозвенел последний звонок, завершив мою пытку на этот день. Я сел в свой черный "мустанг" и поехал домой. Я вошел в пустоту элитного кондоминиума моего отца. Мой отец, Джон Харрисон, является вице-президентом крупнейшей научно-исследовательской компании в стране, у которой множество государственных контрактов, и его присутствие дома в любое время между пятью утра и десятью вечера было бы равносильно обнаружению Лох-Несского чудовища, Снежного человека и единорога. Он работал семь дней в неделю, и я редко его видел. Черт, я видел горничную, которая приходила каждое утро, чаще, чем его. Я понимал, что это его работа, и не обижался на него за это. Он дал мне солидное пособие на то, чтобы я заботился обо всех вещах, связанных с домом, и я мог оставить себе то, что оставалось. Поскольку мой отец также заботился о любой дорогостоящей вещи, которую я хотел, мне никогда не приходилось много покупать, и поэтому в итоге у меня был шикарный банковский счет. До тех пор, пока я получал средний балл выше 4,5 и не поджигал дом или не водил его машину, я был в значительной степени оставлен самому себе. Вскоре я начал готовить свой ужин, сэндвич с "ПИ энд Джей", когда раздался звонок в дверь.

- Эмма, что ты...

<http://erolate.com/book/2361/60423>